

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

МАРШАЛЫ И СПОДВИЖНИКИ НАПОЛЕОНА

ОДИННАДЦАТЬ ПУЛЬ ДЛЯ МАРШАЛА НЕЯ • ПОСЛЕДНЯЯ АВАНТЮРА БЕГЛОГО
МАРШАЛА • Ж.Б. БЕРНАДОТ: СОРАТНИК ИЛИ СОПЕРНИК? • НЕЛЕГКИЙ ВЫБОР
ГЕРЦОГА РАГУЗСКОГО • ОПАЛА ВЕРНОГО БРЮНА • ФАТАЛЬНАЯ ОШИБКА ГРУШИ

Загадки истории (Фолио)

Валентина Скляренко

**Загадки истории. Маршалы
и сподвижники Наполеона**

«ОМІКО»

2017

ББК 63.3(4ФРА)

Скляренко В. М.

Загадки истории. Маршалы и сподвижники Наполеона /
В. М. Скляренко — «ОМІКО», 2017 — (Загадки истории
(Фолио))

ISBN 978-966-03-5147-9

Военные специалисты признают, что в истории военного искусства ни до, ни после грандиозной и кровавой наполеоновской эпохи не было такой блестящей плеяды полководцев, которые, сражаясь в рядах Великой армии, принесли немеркнущую славу Франции. Этот исторический феномен — несомненная заслуга самого Наполеона, который как никто другой умел привлекать на свою сторону людей с выдающимися способностями. Кем же были они, маршалы Наполеона? Мишель Ней — сын бочара, сбежавший в гусары, Иоахим Мюрат — сын трактирщика и несостоявшийся священнослужитель, Гильом Брюн — начинающий юрист, Жан Батист Бернадот — сын юриста, бывший старший сержант, Огюст Мармон — представитель обедневшего дворянского рода, артиллерист и однокашник Бонапарта, Эммануэль Груши — волонтер-революционер дворянских кровей... В судьбах самых известных сподвижников Наполеона сплелись отчаянные атаки и миллионы смертей, властные амбиции и политические провокации, безрассудные авантюры и роковые просчеты. Их истории — драматичные и загадочные — теперь перед вами.

ББК 63.3(4ФРА)

ISBN 978-966-03-5147-9

© Скляренко В. М., 2017

© ОМІКО, 2017

Содержание

Созвездие Наполеона	7
Одиннадцать пуль для маршала Нея	9
«Я обещал ей, что приеду домой генералом»	10
Князь Московский или Москворецкий?	14
Душа «бунта маршалов»	18
И снова «Да здравствует Император!»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Валентина Скляренко
Ирина Рудычева
Володимир Сядро
Загадки истории
Маршалы и сподвижники Наполеона**

© В. М. Скляренко, И. А. Рудычева, В. В. Сядро, 2017

© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2017

© Издательство «Фолио», марка серии, 2007

Созвездие Наполеона

Этого созвездия нет ни на одной астрономической карте. Все его звезды и звездочки значатся на других картах – военных. Одни сияют негасимым светом более двух столетий, другие – покрыты звездной пылью забвения или скрыты в таинственной туманности. Но для всех их когда-то единым центром притяжения стал Наполеон Бонапарт – великий завоеватель новых времен.

Военные специалисты признают, что в истории военного искусства ни до, ни после грандиозной и кровавой наполеоновской эпохи не было такой блестящей плеяды полководцев, которые, сражаясь в рядах Великой армии, принесли немеркнущую славу Франции. Этот исторический феномен – несомненная заслуга самого Наполеона, который как никто другой умел угадывать и привлекать на свою сторону людей с выдающимися способностями. В круг его сподвижников и боевых соратников, прежде всего, вошли 26 маршалов, возведенных им в это высочайшее звание в разные годы. Надо отметить, что Наполеон не просто восстановил звание, существовавшее в монархической Франции с XI века, а создал новый республиканский маршала́т, рассчитывая на него как на свою опору в армии и государстве. «... чтобы стать маршалом Франции при Наполеоне, – писал российский историк Борис Фролов в книге „Военные противники России“, – недостаточно было быть только храбрым воином и способным генералом (тех и других в наполеоновской армии было предостаточно). Для этого прежде всего необходим был талант выдающегося военачальника. Поэтому звание маршала жаловалось только за особые заслуги. Это чаще всего происходило тогда, когда ликующие звуки победных фанфар, грохочущая дробь армейских барабанов и раскатистые залпы орудийного салюта возвещали о новой славной победе, одержанной императорской армией». Но главное отличие маршала́та Наполеона состояло в том, что «производство в маршалы не являлось производством в очередной чин, а означало переход в качественно новую категорию имперских сановников». Им полагались особые почести и титулы. И Наполеон, как известно, «не скупясь награждал отличившихся в битвах своих боевых соратников». Многие из них стали не только маршалами, но еще и титулованными особами – графами, герцогами и князьями.

Первое производство в маршалы состоялось 19 мая 1804 года. Тогда этот чин получили 18 (по другим данным – 14) наиболее достойных полководцев французской армии, в том числе знаменитые Мишель Ней, Иоахим Мюрат, Жан Батист Бернадот и Гильом Брюн. С 1807-го по 1815 год маршальская когорта пополнилась еще 8 одаренными военачальниками. Все они были выходцами из различных социальных слоев. Вот лишь несколько примеров их происхождения, рисующих пеструю картину французского военного истеблишмента времен Империи: Мишель Ней – сын бочара, сбежавший в гусары, Иоахим Мюрат – сын трактирщика и несостоявшийся священнослужитель, Гильом Брюн – начинающий юрист, не ставший писателем, Жан Батист Бернадот – сын юриста, бывший старший сержант, Огюст Мармон – представитель обедневшего дворянского рода, артиллерист и однокашник Бонапарта, Эммануэль Груши – волонтер-революционер дворянских кровей. По своему социальному положению большинство из этих людей вряд ли когда-либо могли рассчитывать на столь высокое звание. Но, как пишет Я. Н. Нерсесов, «эти даровитые люди „от сохи“ чувствовали, что революция, покончившая раз и навсегда со всякого рода привилегиями, протекциями, прислужничеством, открывает широкую дорогу таланту, что ни одна искра дарования не будет затоптана, как это случалось при королевском режиме». Поэтому «неудивительно, что все они любили революцию и эту любовь пронесли через всю свою жизнь».

Разнились между собой маршалы не только родословной. Как справедливо отмечал историк, «все они были совершенно не похожи друг на друга по темпераменту, интеллекту и в различной мере наделены полководческими талантами. Почти все, кто был назначен на высшие

должности в армии Наполеона, не имели специального военного образования. Их знания и навыки пополняла сама жизнь».

Несмотря на то что все маршалы своим возвышением были обязаны прежде всего императору, отношение к нему некоторых из них было довольно напряженным. В связи с этим автор книги «Военные плеяды Наполеона и Александра» Михаил Лускатов пишет: «Конечно, соратники Наполеона были разного калибра и разной степени профессионального таланта. Суровые события того времени расставляли все по своим местам. С некоторыми выдающимися военными деятелями Франции Наполеону не удалось наладить сотрудничество, как, например, с Моро. Бернадот лишь формально принадлежал наполеоновской плеяде – его поведение в делах часто бывало двусмысленным, а кончил он тем, что повернул свой военный дар против собственной страны и друзей по оружию». К сожалению, такой же упрек можно адресовать и некоторым другим знаменитостям из «созвездия Наполеона»: предавшим императора Нею, Мюрату, Мармону или не оправдавшему его надежд Груши.

Отдельные военачальники были с ним рядом в дни побед и предпочли отойти в сторону в горькую годину поражений. А ведь, по мнению российских историков М. Белоусовой и В. Рохмистрова, даже после отречения и знаменитых «Ста дней» у Наполеона еще был шанс вернуть Империю, если бы только рядом с ним оставались верные соратники его «созвездия»: «В том безнадежном положении, в котором он оказался в 1814 году, он действовал с азартностью игрока, поставившего на кон сразу все свое достояние. В таких условиях все конгрессы, переговоры и мирные передышки означали для него лишь еще одну возможность собраться с силами. И он действительно мог бы выиграть, если бы не одно обстоятельство. Если бы игра ва-банк устраивала и его сподвижников. Ради него никто из них не хотел терять полученного благодаря ему».

С этим можно согласиться лишь отчасти. Ибо в историях маршальских измен и предательств, просчетов и ошибок все гораздо сложнее и загадочнее. Не все можно объяснить нежеланием расстаться с покоем и благополучием. Да и сами историки понимают это, когда пишут о конкретных людях: «И, возможно, многие согласятся, что история слишком несправедливо осудила Мармона. Однако история его поступка, окончательно выбившего почву из-под ног у всех остальных героев драмы, была воспринята современниками событий совсем иначе, нежели история поступков Нея и Мюрата, также „предавших“ своего великого повелителя. В середине XIX века французы обливались слезами, наблюдая на сцене парижского цирка „Олимпик“, как доблестный Мюрат среди ужасного дыма и грохота вновь берет Бородинский редут и как в конце этой грандиозной героической пьесы короля Мюрата ведут на расстрел. Его отступничество все стараются представить всего лишь ошибкой, совершенной под влиянием коварной сестры императора Каролины».

В судьбах самых известных сподвижников Наполеона в тугой клубок сплелись отчаянные атаки и миллионы смертей, властные амбиции и политические провокации, безрассудные авантюры и роковые просчеты. Их истории – драматичные и загадочные – теперь перед вами.

Одиннадцать пуль для маршала Нея Ушедший в бессмертие

*Что за человек! Что за солдат! Что за сорвиголова!
Наполеон о Нея*

Ранним промозглым утром 7 декабря 1815 года под мелким морозящим дождем из ворот парижской тюрьмы «Консьержери» выехала карета, в которой в окружении двух жандармских лейтенантов находились приговоренный к смерти узник и кюре. Доехав до решетки Люксембургского сада, карета остановилась на авеню де ля Обсервер. Жандармы вывели из нее высокого рыжеволосого человека в синем сюртуке. По команде плац-адъютанта он встал лицом к взводу солдат, державших ружья на прицеле, и до того как прозвучала команда «Огонь!», успел лишь выкрикнуть: «Французы, я протестую против своего приговора, моя честь...». Эта последняя фраза узника была оборвана залпом из двенадцати ружей, прозвучавшим под барабанный бой и крики войск: «Да здравствует король!».

Так, судя по мемуарам военного коменданта Парижа, графа Луи-Виктора-Леона де Рошешуара, трагически оборвалась жизнь выдающегося французского полководца – маршала Мишеля Нея, входящего в число наиболее знаковых личностей эпохи Наполеона. Хотя не стоит спешить с констатацией этого факта. Ведь даже сегодня, спустя два столетия после его казни, умы многих историков и просто любителей исторических загадок будоражат многочисленные версии чудесного спасения маршала, и они упорно продолжают искать тому доказательства. Немало исследователей всерьез говорят о так называемой «второй жизни» Нея, якобы прожитой им после расстрела, в изгнании. Сразу оговоримся: речь идет не о мистической, а вполне реальной жизни, продолжавшейся с момента описанного нами события еще более 30 лет.

Но «чудесное спасение» маршала – не единственная загадка в его бурной военной биографии. Осталось в ней и немало других неясностей и разночтений, дающих пищу для разного рода толкований относительно мотивов его поступков, особенностей характера и обстоятельств личной жизни. Для того чтобы разобраться в них, необходимо хотя бы в общих чертах проследить за стремительной карьерой этого, несомненно, талантливейшего военачальника, которого Наполеон, довольно скупой на похвалы, удостоил вслед за маршалом Ланном звания «храбрейшего из храбрых».

«Я обещал ей, что приеду домой генералом»

Это обещание 19-летний сын простого бочара из лотарингского местечка Саррлуи (Саарлуи, Сарици) Мишель Ней дал своей матери Маргарет Гревелингер (Маргерит Граванинье). Генеральский чин был самой заветной мечтой юноши. И ради ее достижения он в декабре 1788 г. бежал из родительского дома в приграничный Мец, чтобы записаться добровольцем в гусарский полк.

Если бы не этот решительный шаг, судьба мальчишки из бедной семьи ремесленника могла сложиться совсем по-другому. Ведь, несмотря на скромные доходы от бочарного производства и возделывания небольших участков земли, его отец Пьер Ней ухитрился дать сыну пристойное образование. Мальчик весьма успешно закончил католический коллеж, проявив при этом неплохие способности и усердие. Единственным предметом, который потребовал от него особых усилий, стал... французский язык. И ничего странного в этом не было: ведь жители Саррлуи, хотя и принадлежавшего тогда Франции, в основном были немецкоговорящие. Вот и для будущего маршала родным языком был немецкий, да и самого его в действительности звали не Мишель, а Михель Ней. К вопросу о роли языка в его судьбе мы еще не раз здесь вернемся. А пока лишь заметим, что отец Ней считал, что полученное образование сын использует на юридическом поприще или откроет по его примеру собственное бочарное производство. Но юноша предпочел избрать свой собственный путь.

Выбор им военной карьеры был вполне закономерен. Ведь благодаря присущей ему склонности к лидерству, энергичному характеру и отваге, он был способен увлечь за собой других людей, что немаловажно для военачальника. Под стать были и физические данные юноши. Будучи очень сильным, рослым и выносливым, к тому же еще и превосходным наездником, он с детства бредил кавалерией. А потому хорошо понимал, что тихая и однообразная служба писцом у нотариуса, которой он отдал почти четыре года, не для него. Вскоре это был вынужден признать и Пьер Ней. Тем более что до того, как освоить ремесло бондаря и обзавестись семьей, он тоже несколько лет, причем с охотой, прослужил во французской армии. Но хотя солдатом он был отменным и храбро сражался в битвах Семилетней войны, дослужился лишь до звания сержанта. И потому этому простому ремесленнику трудно было представить, что его сын может рассчитывать на что-то большее. А уж про то, что всего через восемь лет он вернется домой в генеральских эполетах, старик и помыслить не смел. Но порадоваться этому успел. А вот мать Мишеля, к сожалению, так и не узнала о том, что сын не только исполнил, но и превзошел данное ей обещание (она умерла за 5 лет до присвоения ему звания бригадного генерала).

Надо сказать, что такой стремительной и блистательной военной карьере, как у Ней, можно было только позавидовать: начав ее рядовым, сей brave гусар за считанные годы прошел все ступени воинской службы и в 27 лет стал одним из самых молодых генералов французской армии, а в 35 – при провозглашении империи получил из рук Наполеона маршальский жезл.

Казалось бы, о таком важном событии в жизни Ней сегодня должно быть известно все, до мельчайших подробностей. На самом же деле, как это ни удивительно, вполне достоверными можно считать только два факта: молодой генерал вошел в первую группу военачальников, которым было пожаловано звание маршала, и произошло это событие 19 мая 1804 года. А вот относительно сведений, касающихся процедуры и оснований для присвоения ему столь высокого чина, в работах историков до сих пор существуют некоторые разночтения и толкования. Так, одни считают (в частности А. А. Егоров), что «в списке французских генералов, представленных к званию маршалов империи, фамилия Ней значилась одиннадцатой по счету», а сам список включал 18 человек. Это наиболее распространенная версия. Но есть и другие. К

примеру, Б. Фролов утверждает, что «в первом списке генералов (14 человек), удостоенных высшего воинского звания – маршала Империи, имя Нея стояло 12-м (после Мортье)». Что касается количества кандидатов и очередности включения их в список, то это конечно же не главное. Гораздо важнее понять, почему из довольно большого числа талантливых генералов император выбрал именно Нея. Тем более что до 1801 г. он даже не встречался с ним и не видел его в бою лично. Ответ на этот вопрос историки тоже дают по-разному.

Так, уже упомянутый Б. Фролов считает, что выбор кандидатуры Нея в основном был обусловлен личным отношением к нему Наполеона. В связи с этим он пишет: «Необходимо отметить, что это высшее в наполеоновской Франции воинское звание Ней получил от императора, если можно так выразиться, как бы авансом. Дело в том, что в число полководцев революционной, а затем республиканской армий он никогда не входил, армейскими объединениями не командовал (временное исполнение обязанностей не в счет, поскольку оно было слишком кратковременным), оперативно-стратегических задач самостоятельно не решал и, несмотря на ряд выдающихся боевых подвигов, получивших, кстати, довольно широкую известность, являлся всего лишь обычным дивизионным генералом, каковых тогда во французской армии было много. При этом целый ряд генералов, обойденных императором при первом производстве в маршалы, имели по сравнению с Неем не менее весомые заслуги перед Францией и значительное превосходство перед ним в старшинстве. Правда, таких, как Ней, генералов, еще ничем не проявивших себя в качестве крупных военачальников, но получивших в 1804 году по личному усмотрению Наполеона маршальский жезл, было немало (Бессьер, Даву, Ланн, Мортье и др.). Слава знаменитого военачальника для Нея была еще впереди, так же как и для Даву или Ланна».

С формальной точки зрения с этим трудно не согласиться. Действительно, крупными армейскими подразделениями до получения маршальского звания (как, впрочем, и позже) Ней фактически не командовал. Только однажды, в самом конце своей военной карьеры, ему пришлось выступить в роли военачальника. И, по словам историка Я. Н. Нерсесова, это стало «катастрофой для французского оружия во времена „Ста дней“». «Бонапарт явно ошибся, доверив Нею самостоятельное командование большой массой войск в кампании 1815 г. „Храбрый из храбрых“ был незаменим в отчаянных авангардных и арьергардных боях, но хладнокровные стратегические расчеты этому „тугодуму“ были неподвластны», – пишет он. Так что будь Ней командиром большого армейского подразделения до 1804 г., еще неизвестно, получил ли бы он чин маршала. И в этом случае несоблюдение Наполеоном формальностей сыграло только на руку не слишком удачливому «стратегу».

Это отступление от традиционных требований к обладателям маршальского звания было обусловлено особенностями революционного периода в истории Франции, предшествовавшего установлению Первой империи. Теми самыми, которые были удивительно точно подмечены известным специалистом по проблемам революционного движения в XIX веке и истории Отечественной войны 1812 г. Н. А. Троицким. Рассматривая в целом восстановление Наполеоном маршальского звания в стране, он писал: «26 маршалов Первой империи (1804–1814 гг.) во Франции – это исторический феномен. Появление такого количества военачальников впервые стало возможным благодаря не столько Наполеону, сколько Великой французской революции. Никогда ранее мир не видел столь яркого созвездия военачальников, поднявшихся из народных низов исключительно по своим дарованиям и независимо от родства, протекции или монаршего каприза». И далее: «Наполеон восстановил звание маршала Франции, как только Франция после 12-летнего режима Первой Республики была провозглашена 18 мая 1804 г. империей. Этот акт Наполеона был одним из многих его шагов по возвращению – правда, уже в условиях новой буржуазной Франции – старых званий и титулов, которые призваны были придать наполеоновскому двору монархический колорит. Вместе с маршальским званием был восстановлен и старый порядок его присвоения – по воле и за подписью монарха».

Но еще важнее было то, что в условиях революции изменился не только подход к награждению воинскими званиями и титулами, а и сами принципы комплектования и содержания армии. И здесь снова не обойтись без высказываний мудрого Троицкого. «То была массовая армия нового типа, – писал он. – Она комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности, декретированной в 1793 г. и через пять лет несколько суженной в виде так называемой конскрипции. Эта армия не знала ни кастовых барьеров между солдатами и офицерами, ни бессмысленной муштры, ни палочной дисциплины, зато была сильна сознанием равенства гражданских прав и возможностей. *„Последний крестьянский сын совершенно так же, как и дворянин из древнейшего рода, мог достичь в ней высших чинов“, включая маршальское звание. Наполеон любил говорить, что каждый его солдат „носит в своем ранце маршальский жезл“*¹.

Так если маршалом мог стать любой наполеоновский солдат, то почему присвоение этого звания молодому, но очень храброму генералу, уже отличившемуся не в одном сражении, надо воспринимать как аванс за будущие заслуги? Не потому ли, что сегодня, по прошествии многих лет, мы просто знаем о более значимых победах и достижениях Нея, последовавших после 1804 года? А почему не допустить мысль о том, что Наполеон, который, по оценкам всех современников, прекрасно разбирался в людях, сумел по достоинству оценить не только потенциальные возможности молодого офицера, но и то, что уже было проявлено им на фронтах революции.

Вот и большинство исследователей считают, что званием маршала Ней был обязан исключительно своей доблести, мужеству и богатому боевому опыту, полученному им во время участия в революционных войнах Франции. Это утверждение подтверждается многочисленными фактами. Так, с начала службы в действующей армии (1792 г.) и до конца 1800 г. он отличился в 8 крупных сражениях, нередко играя решающую роль в победе над противником. Так было во время осады Маастрихта (1794 г.), в битвах при Опальдене (1795 г.) и Форхайме (1796 г.), в штурме Вюрцбурга (1796 г.) и взятии Кирхберга (1797 г.). К примеру, командуя кавалерией дивизии генерала Колана, во время сражения за Вюрцберг Ней с сотней гусаров бесстрашно вступил в бой со значительно превосходящим по численности отрядом противника и умудрился не только наголову разбить его, но и захватить две тысячи австрийцев в плен. В другой раз всего лишь с 30 драгунами он рассеял 200 знаменитых «черных гусар смерти» – наследников славы прусского короля Фридриха Великого.

Надо сказать, что всех подобного рода фактов в воинской биографии Нея не перечесть. И все-таки нельзя не упомянуть здесь еще об одном, происшедшем в 1807 году. Вот как описывает его историк Олег Плужников: «В Пруссии он так лихо воевал, что едва успевал пересчитывать пленных. Наконец, у Магдебурга в плен к нему попали 33 тысячи пруссаков при 800 (!) орудиях. Поскольку в III корпусе Нея было всего около 10 тысяч солдат, он приказал:

– Разоружайте их поскорее, пока они не увидели, сколько нас на самом деле». Впоследствии, объясняя такие дерзкие выходки Нея, Наполеон говорил, что тот не любит долго думать на поле боя и «всегда таков, атакует противника, как только увидит его!».

А вот в кампании 1799 года молодой генерал отличился не только в атаке, но и в... разведке. Да так, что о нем заговорила вся Франция. В ходе осады Маннгейма Ней совершил поистине легендарный подвиг. А помог ему в этом... родной немецкий язык. Это замечательное событие весьма колоритно и во всех подробностях описано в историческом обозрении «Адъютант»: «Переодевшись в крестьянина, он (Ней. – *Авт.*) переправился через реку. Знание немецкого языка позволило Нею беспрепятственно пройти по всем австрийским позициям. Правда, единственной проблемой, которая вызывала настороженность Мишеля, был ров вокруг цитадели, который можно было перейти через подъемный мост. Продолжая свою разведку, Ней обратил внимание на беременную женщину и австрийского солдата, находяще-

¹ Выделено курсивом Н. А. Троицким.

гося рядом с ней. Он приблизился к ним и предложил проводить женщину до дома. Однако австриец заявил, что она не нуждается в его помощи. На это Ней ответил, что женщина вряд ли сможет остаться в таком состоянии здесь, тем более что разводной мост будет поднят. На это австрийский солдат ответил, что эта женщина – знакомая командира гарнизона, а посему разводной мост в случае необходимости будет опущен даже ночью.

Ней поклонился и ушел: он узнал много ценного. Он без проблем переправился на французский берег и, когда стемнело, взял 150 солдат и вновь бесшумно переправился через Рейн. К счастью для Нея, разводной мост был опущен, чтобы пропустить „знакомую“ женщину и австрийского солдата, которые подходили к мосту. Со штыками наперевес французские солдаты внезапным ударом опрокинули выставленную австрийцами стражу и ворвались в город. Внезапность нападения, темнота ночи, скрывшая от австрийцев малочисленность нападавших, командирский, громовой голос Нея, потребовавшего у коменданта немедленной сдачи крепости, – все это превратило в итоге дерзкий набег в успешную военную операцию».

Молодой генерал снова заставил говорить о себе и в следующем, 1800 году, после знаменитого сражения у баварского селения Гогенлинден (Хознлинден), в котором он молниеносной атакой взял в плен 10 000 человек. «Настоящим триумфом для Нея, – по словам Б. Фролова, – стал момент, когда прямо на поле битвы главнокомандующий армией Моро провозгласил его вместе с генералом А. Ришпансом главным героем только что завершившегося блистательной победой сражения».

Все эти победы – лишь начало славного пути будущего маршала. Но важно отметить, что они были достигнуты еще до того, как он попал под руководство Наполеона. Это дает право Я. Нерсесову утверждать: «Свою военную карьеру Ней сделал сам, без Наполеона. Он не принадлежал к „когорте“ Бонапарта». Мнения о том, что именно в годы революционных войн Ней, как и несколько других генералов, получивших впоследствии маршальское звание, что называется, «сделал себя сам», высказывают и другие исследователи. Так, говоря о молодых офицерах наполеоновской армии, автор книги «Военные плеяды Наполеона и Александра» М. Лускатов справедливо отмечает, что «все они, по крайней мере, на первом этапе своей карьеры, выдвинулись благодаря революции, а затем были введены Наполеоном в круг его соратников». Известно, что многие известные офицеры (Клебер, Даву, Моро, Бернарот и др.) и солдаты рейнской армии с некоторой неприязнью (порой обоснованной) либо предубеждением относились к своим коллегам из итальянской армии Бонапарта, и к нему в том числе, как бы давая понять: «Мы велики и без вашего „корсиканского выскочки“! Все мы делали себе имя сами!».

Думаем, что каждый из упомянутых здесь историков по-своему прав. Вот только делать акцент на том, что присвоение Нею высочайшего воинского звания являлось своеобразным авансом или было обусловлено его положением при дворе императора, не стоит. Не проявил себя молодой генерал столь отважно и решительно на полях сражений, он вряд ли бы вызвал интерес у Наполеона. А значит, не было бы ни включения его в первый список кандидатур на получение маршальского звания, ни введения в число приближенных к императору, ни присвоения последующих высоких титулов. Кстати, относительно одного из них, полученного Неем после Бородинского сражения, в исторической литературе также имеется немало неточностей и разночтений. Попробуем с ними разобраться.

Князь Московский или Москворецкий?

Во время неудачного похода 1812 года в Россию Мишель Нея оказался единственным из наполеоновских маршалов, которому был пожалован титул князя. С тех пор в исторических описаниях его величали не иначе как «французский князь Москвы». Между тем, как оказалось, никакого отношения к российской столице этот титул не имел, да и получен он был маршалом уже после войны с Россией, в марте 1813 года. Но обо всем по порядку.

К началу Русской кампании на счету новоиспеченного маршала Нея было уже немало дерзких операций и доблестных побед. За одну из них, одержанную в сражении с австрийцами при Эльхингене (1805 г.), он получил в 1808 году свой первый аристократический титул – герцога Эльхингенского. 1806 год в его биографии был отмечен взятием Эрфурта и удачной организацией осады Магдебурга, в результате которой эта неприступная крепость вынуждена была сдаться. Еще более результативным стал для Нея следующий год. Тогда его корпус, насчитывавший 14 тыс. человек, вступил в единоборство с русской 70-тысячной армией при Гуттштадте и ухитрился закончить его ничьей. В феврале 1807 года, участвуя в самой кровавой битве русско-пруско-французской войны у Прейсиш-Эйлау, солдаты Нея заставили русских отступить, а в июне того же года в сражении под Фридландом врезались в гущу русских войск на левом фланге и сбросили противника в реку Алле.

После этих побед стало очевидным, что среди французских военачальников никто не может сравниться с Неем в проведении атак. Личная отвага, неустранимость, честность на поле боя по отношению к противнику, проявленные им в ходе этих военных кампаний, снижали ему исключительную популярность в армии. Солдаты буквально боготворили своего командира, а у противников он слыл «доблестным маршалом, который завоевал восхищение своих врагов». Поэтому неудивительно, что, готовясь к Русской кампании, Наполеон возлагал на Нея особые надежды. Именно ему он поручил подготовить для вторжения в Россию третий корпус «Великой армии». И маршал, как известно, оправдал его доверие, блестяще справившись со всеми задачами, которые ему пришлось решать в этом походе.

В войне 1812 года Нея показал себя сразу в двух ипостасях: неутомимым организатором атаки и несравненным мастером арьергардного боя. Первая из них проявилась во всей красе еще при штурме Смоленска (16–18 августа 1812 г.). Несмотря на огромное численное превосходство, французской армии поначалу не удавалось сломить упорное сопротивление русских. Но затем, благодаря умело организованному наступлению, корпус Нея первым ворвался в объятый пламенем город. Сам маршал, по обыкновению идущий впереди своих солдат, был ранен пулей в шею, однако не покинул строй. Решительные совместные наступательные действия корпусов Нея и Даву завершились взятием Смоленска.

Однако эта, по сути, первая крупная победа французов в Русской кампании не принесла большой радости маршалу. Напротив, она образовала некую трещину в его отношениях с императором. Надо сказать, что до похода в Россию Нея, не обладавший даром стратега, выступал в роли беспрекословного исполнителя приказов Наполеона, никогда и ни в чем ему не перечая. И хотя он изначально считал кампанию 1812 года ошибкой, мнения своего ему не высказал, а честно и добросовестно продолжил исполнять свой воинский долг. Однако опыт предыдущих сражений с русскими подсказывал ему, что они – особый противник, разгромить которого окончательно вряд ли возможно. Вот почему после взятия Смоленска он предложил императору на этом остановиться и не углубляться дальше в русские земли. Тот вроде бы сначала прислушался к совету маршала и даже задумал укрепить позиции армии в Смоленске, а самому обосноваться в Витебске и потом уже решать, продолжать ли наступление и если да, то в каком именно направлении. Но затем император отказался от этого плана. А зря!

Второе несогласие Нея с действиями Наполеона обнаружилось во время знаменитой Бородинской битвы [26 августа (по старому стилю) или 7 сентября (по новому стилю) 1812 г.]. На этот раз маршал был довольно резок в их оценке и позволил себе даже выдвинуть императору требования. Надо сказать, что на поле боя Ней не боялся ничего, даже гнева Наполеона.

Как известно, генеральное сражение, которое состоялось в тот день в 108 верстах от Москвы, было чрезвычайно упорным и ожесточенным. Ни одна сторона не хотела ни в чем уступить противнику. Бой шел за каждый редут, за каждую высоту, за каждую пядь земли. Достаточно упомянуть лишь о знаменитых Семеновских флешах или Утицком кургане, которые не раз переходили из рук в руки. Вместе с другими подразделениями французской армии корпус маршала Нея более семи часов подряд атаковал Семеновские флешы и батарею Раевского. очевидцы вспоминали, что «во время Бородинской битвы рыжие волосы маршала стали черными от пороха, поскольку он всегда находился вместе со своими наступающими войсками, и если под ним убивали лошадь, он требовал другую для довершения атаки».

В результате фронт русских был прорван, но не окончательно. Чтобы закрепить успех, нужны были подкрепления. Опьяненный предчувствием близкой победы, Ней обратился к императору с настоятельной просьбой – ввести в бой резервы. К ней присоединился и Мюрат. Но Наполеон не внял ни просьбам, ни требованиям маршалов, заявив, «что еще ничто не определилось и что, прежде чем пустить в дело резервы, он хочет хорошенько уяснить себе свой шахматный ход». Реакция Нея на это заявление была весьма бурной. Бывший ее свидетелем граф Ф. де Сегюр в своей книге «Поход в Москву в 1812 году» писал: «Когда эти слова передали Нею, то он, под влиянием своего пылкого и безудержного нрава выйдя из себя, гневно воскликнул: „Что же, мы пришли сюда для того, чтобы посмотреть на поле сражения? Что делает император позади армии? Чего он там дождется, кроме поражения? Уж если он больше не полководец и не воюет сам, а желает повсюду разыгрывать императора, пусть он убирается в Тюильрийский дворец и предоставит нам самим командование!“».

Наполеону конечно же передали дерзкие слова маршала. Однако он не только не подал вида, что знает о них, но и на следующий день после Бородинского сражения назвал Нея героем, сыгравшим в нем главную роль, и пожаловал ему за это титул князя. Но какого? Многие исследователи долгое время называли маршала князем Московским. Однако автор книг «Созвездие Наполеона. Маршалы Первой Империи» и «Генералы Наполеона» известный петербургский историк Владимир Николаевич Шиканов убедительно доказал, что Нею был пожалован титул князя Москворецкого. Его аргументы сводятся к следующему: «Во французском языке город Москва и река Москва обозначаются двумя разными словами. И Мишелю Нею был пожалован титул именно князя Москворецкого, князя Москва-реки. Произошло это потому, что во французской историографии Бородинское сражение называется битвой при Москва-реке. Хотя мы знаем, что Москва-река протекает достаточно далеко от поля сражения». «Но Наполеон был прекрасный психолог, – пишет далее историк. – Он знал, что для жителей Западной Европы слово „Бородино“ мало что будет означать. Другое дело, „битва при Москва-реке“. Сразу возникает ассоциация с древней русской столицей. Смысл этого сражения для Наполеона был в том, что оно открывало ему ворота древнерусской столицы. И действительно, вскоре после той баталии Великая армия вступила в Москву».

Выдвигает В. Шиканов и еще одну версию, связанную с этим награждением. По мнению историка, то, что титул князя Москворецкого Ней получил сразу же после Бородинского сражения, является не более чем легендой. Ибо документы свидетельствуют о другом. «Официально патент на титул князя Москворецкого подписан мартом 1813 года. Я думаю, – пишет историк, – что здесь очень силен психологический момент. После тяжелейшей кампании, после гибели Великой армии, после того как для Франции и объединенных сил Европы война закончилась поражением, Наполеону важно было подчеркнуть героизм своих маршалов, офицеров, солдат». И далее: «Ему нужно было поднять их боевой дух, вдохнуть веру в возможность продол-

жения борьбы, чтобы они сражались, позабыв о неудачах 1812 года. И одним из таких шагов, имевших глубокое психологическое значение, было пожалование Мишеля Нея титулом князя Москворецкого».

С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. То, что эта награда задокументирована 25 марта 1813 года, вовсе не означает, что Наполеон не объявил о пожаловании титула Нею в сентябре 1812 года. Кроме того, подписывая этот патент через три месяца после окончания русского похода, император, по всей видимости, не только хотел «вдохнуть веру в возможность продолжения борьбы», но и по достоинству наградить маршала за его второй подвиг, совершенный в ноябре 1812 года во время отступления из России. Именно тогда он показал себя несравненным мастером арьергардного боя и вслед за Ланном заслужил в устах Наполеона звание «храбрейшего из храбрых». Так же как и в сражениях у Смоленска и Бородино, он вновь оказался героем, но уже не наступления, а, по образному выражению С. Уланенкова, «героем обратного движения Великой армии».

Обстоятельства вывода Неем из России остатков третьего корпуса Великой армии выглядят поистине фантастичными. Да и сам он, защищая арьергард армии, перестает быть только исполнителем чужих приказов, а берет всю инициативу на себя. Маршал, всегда отличавшийся горячностью и нетерпеливостью, среди панического отчаяния и беспорядка, воцарившегося в Великой армии во время отступления, превращается в хладнокровного и решительного военачальника, способного выйти с честью из любого затруднительного положения. Причину такой перемены граф Сегюр объясняет просто: «Ней понимал, что кому-нибудь нужно было быть козлом отпущения, и добровольно принял на себя опасность, взявшись бесценно защищать арриергард армии».

О самоотверженности и железном характере, проявленных маршалом при отступлении из России, свидетельствует рассказ одного из очевидцев тех событий: «Русские приближались, прикрываясь лесом и нашими оставленными повозками, откуда расстреливали солдат Нея, ударившихся было бежать, – когда маршал, взяв ружье, бросился к ним и повел в битву, завязал перестрелку, не щадя себя – точно он сам не был отцом, мужем, точно он не был богат и знатен, не был уважаем... Оставаясь солдатом, он не переставал быть генералом: пользовался местностью, опирался на пригорки, прикрывался домами. Этим он дал армии 24 часа отдыха. Следующий и другие дни – тот же героизм: от Вязьмы до Смоленска он дрался без перерыва целых десять дней».

Неподалеку от Смоленска, близ села Красного, Ней потерял в бою 12 тысяч человек и всю артиллерию. Но вместе с оставшимися тремя тысячами солдат ему удалось скрыться, применив присущую хитрость и смекалку: он задержал офицера, посланного к нему с предложением сдаться, и пока тот ожидал ответа, ушел сначала по дороге к Смоленску, а потом повернул на Оршу. Он смог выйти из окружения, но понимал, что уйти от дальнейшего преследования с истощенным, плохо вооруженным арьергардом уже не сможет. Трезво оценив всю тяжесть своего положения, маршал решил прибегнуть к отчаянному средству спасения – перейти Днепр у селения Сырокоренье по еще тонкому ноябрьскому льду.

Все перипетии этого поистине героического перехода подробно описаны в «Записках» 1798–1826 гг. российского генерала А. П. Ермолова. В частности, там пишется: «Недостаточно сильны были морозы, и лед гнулся под ногами... Ней пустился, сопровождаемый до полуторы тысяч человек; за ним вели верховую, его единственную лошадь». Спасти удалось не всем: часть тех, кто не погиб в ледяной днепровской воде, пала потом в стычках с преследовавшими колонну казаками. Но все же Нею удалось добраться до Орши с отрядом из 900 человек. Маршал стал последним военачальником из рядов Великой армии, покинувшим негостеприимную русскую землю. В то время, когда князь Невшательский – маршал Луи Александр Бертье, бывший в 1799–1814 гг. начальником штаба Наполеона (им разработаны основы штабной службы, использованные во многих европейских армиях), никто из сослуживцев, а также Наполеон,

уже не надеялись увидеть его живым, он неожиданно появился 15 декабря 1812 года в ресторане немецкого городка Гумбиннен (с 1946 г. – г. Гусев Калининградской области). По словам генерала Дюма, это было незабываемое событие. Он вспоминает, что во время обеда французских старших офицеров в зал вошел высокий бродяга с длинной бородой, грязный, в рваной одежде. Его лицо казалось обожженным, а покрасневшие глаза лихорадочно блестели. Офицеры хотели выпроводить его из зала, но он опередил их, громогласно заявив: «Вот и я. Что же это, генерал Дюма, вы меня не узнаете?» – «Нет, кто вы такой?» – «Я – арриергард Великой армии – маршал Ней...»

Говорят, что Наполеон, узнав о чудесном спасении Нея, так расчувствовался, что произнес высокопарную фразу, ставшую крылатой: «У меня **200 миллионов**² в Тюильрийских погребах – я их охотно отдал бы, чтобы спасти такого человека!» Правда, в исследовании американского биографа Нея Данна-Паттисона она звучит несколько иначе: «У меня в Тюильри, в моих подвалах, **триста миллионов** франков; я их охотно отдал бы для того, чтобы спасти маршала Нея». Впрочем, суть от этого не меняется. Интересно другое: насколько искренними были эти слова императора. Ведь на деле Ней с остатками своего корпуса был, по сути, брошен Наполеоном на произвол судьбы. В частности, по словам генерала Ермолова, будучи еще на территории России, неподалеку от села Красное, где отчаянно бились солдаты маршала, император ничего не предпринял, чтобы ему помочь.

Возвращаясь к обстоятельствам присвоения Нею титула князя Москворецкого, видимо, стоит все же еще раз подчеркнуть, что эта награда была пожалована ему за героизм, проявленный в Бородинском сражении. А его подвиг по спасению арьергарда армии при отступлении так и не был вознагражден. Но маршал никогда не гнался за знатными титулами, богатством и светскими почестями. Он был равнодушен к одной только воинской славе, подчеркивая при этом, что его «единственное честолюбие состоит в том, чтобы исполнить свой долг». Именно этим Мишель Ней руководствовался и в последующие, самые драматические в его жизни три года, оказавшиеся для него последними.

² Здесь и далее выделено авторами.

Душа «бунта маршалов»

Расхождения и несогласие между маршалом и Наполеоном, проявившиеся во время Русской кампании, были вовсе не случайны. Они имели место и раньше. Ней никогда не боготворил Наполеона и уж тем более не выступал в роли его раболепного и послушного слуги. Хотя он и приветствовал переворот 18 брюмера, но бонапартистом не был. Более того, его отношение к Наполеону оставалось довольно холодным. Как, впрочем, и к другим высокопоставленным особам. Ибо главное жизненное кредо маршала, как было уже указано здесь, состояло в том, чтобы «исполнить свой долг». В своем письме другу Лекурбу в ноябре 1799 года он пишет знаменательную фразу, которая объясняет его независимое отношение ко всем вышестоящим особам: «Я никогда не унижусь до того, чтобы служить отдельным людям».

Будучи человеком простым и прямолинейным, Ней высказывал свое мнение, невзирая на лица. И делал это иногда весьма едко и даже оскорбительно. Так, во время Испанской кампании, попав весной 1806 года в подчинение маршала Сульта, которого он терпеть не мог, Ней дал полную волю злорадству по поводу постигшей того неудачи в Португалии. Вот как описывает эту ситуацию А. Егоров: «Слишком прямолинейный, чтобы как-то скрывать свои чувства, Ней отнюдь не скупится на едкие отзывы о положении дел в армии Сульта и полководческих талантах герцога Далмацкого. В свою очередь, его солдаты, очень некстати проявив присущее французам чувство юмора, тоже не могут удержаться от того, чтобы не понасмешничать над вышвырнутым из Португалии воинством Сульта. Враждебность между двумя маршалами достигает высшей точки, что чрезвычайно пагубно сказывается на положении французских войск в Испании».

Такой же «бунтарский дух и величайшее пренебрежение к каким бы то ни было распоряжениям свыше», по словам Егорова, были проявлены Неем летом 1810 года при переводе его в португальскую армию под начало еще одного «любимого» им маршала – Массены. Как пишет историк, «при любом намеке на свое подчиненное положение он приходит в страшное негодование и недвусмысленно дает понять своим „обидчикам“, что не собирается никому подчиняться». Один из характерных примеров такого поведения маршала Егоров приводит в своей книге: «Так, когда Массена „осмеливается“ направить в штаб к Нею под Сьюдад-Родриго инженерного подполковника Валазе, от герцога Эльхингенского „достаётся“ не только попавшему под горячую руку „ставленнику“, но и самому главнокомандующему». Ней пишет Массене дерзкое письмо, в котором напоминает, что он такой же «герцог и маршал империи», как и командующий португальской армией, и готов выполнять только те его приказы, которые касаются военных действий: «Когда вы прикажете Мишелю Нею вести свои войска против неприятеля, вы увидите, как он будет повиноваться. Но когда вам угодно опрокидывать штаб армии, составленный князем Невшательским³, разумеется, я не послушаюсь ваших приказаний так же, как не боюсь ваших угроз...». Это послание конечно же не могло не вызвать у Массены гнева.

Поскольку честолюбие Нея было сосредоточено исключительно на достижении воинских успехов, он не любил ни с кем делиться славой. Об этом хорошо знали даже его солдаты, которые по этому поводу шутили: «С ним плохо спать: он все одеяло стягивает на себя!» Неудивительно, что маршал очень болезненно реагировал на опережающие действия своих товарищей на поле боя, даже в том случае, если их помощь была ему необходима. Не делал он исключения даже для императора. Характерен в этом отношении пример, приведенный А. Егоровым: «Когда, преследуя отступающий экспедиционный корпус англичан генерала Мура, Наполеон в сопровождении всего лишь эскадрона кирасиров первым ворвался в Вальдерас, Ней зло заме-

³ Князь Невшательский – маршал Луи Александр Бертье, бывший в 1799–1814 гг. начальником штаба Наполеона. Им разработаны основы штабной службы, использованные во многих европейских армиях.

тил: „Сир, я благодарю Ваше величество за то, что вы взяли на себя роль моего авангарда“». Такие выходки маршала, в свою очередь, не могли не возмущать императора. В связи с этим Данн-Паттисон пишет: «Во время нередких у него приступов откровенности Наполеон раздраженно заявляет: „Никто не может себе представить, что значит иметь дело с... людьми вроде Нея и Сульта“».

Причину подобных инцидентов император видел не только в порывистом и вспыльчивом характере маршала, но и в отсутствии у него чувства преданности к нему, человеку, который столь высоко его поднял и возвеличил. Еще в 1803 году Наполеон поистине пророчески скажет о Нее: «У него есть склонность к неблагодарности и крамоле. Если бы я должен был умереть от руки маршала, я готов бы держать пари, что это было бы от его руки». Как показало недалекое будущее, все могло произойти именно так.

Как известно, отречение Наполеона от престола в апреле 1814 года произошло в результате заговора сенаторов-роялистов. Как пишет французский историк Жан Тюлар в книге «Наполеон, или Миф о „спасителе“», «3 апреля сенат, наконец, решился: он провозгласил отречение от власти Наполеона, виновного „в нарушении присяги и покушении на права народов, поскольку рекрутировал в армию и взимал налоги в обход положений конституции“». На этом основании «буржуазия отправила „спасителя“ в отставку». Но Наполеон, который в это время находился в Фонтенбло и имел близ него 30-тысячную армию, считал, что ничего еще не потеряно. Он сможет удвоить ее и пойти в наступление на Париж. Но тут взбунтовались его маршалы, выступив против продолжения военных действий. На гневное восклицание Наполеона «Армия мне повинуется!» Мишель Ней резко ответил: «Сир, она повинуется своим генералам». И именно этот «бунт маршалов», по мнению Ж. Тюлара, все решил: «Крылья подрезали ему его маршалы: Ней, Бертье и Лефевр, – отказавшись продолжать борьбу. Они, и прежде всего Ней, убедили императора 4 апреля отречься от престола в пользу римского короля. „Брюмер наизнанку“, как не без злобы говорили тогда. Коленкур, Ней и Макдональд отправились в Париж на переговоры с русским царем». Таким образом, как пишет А. Егоров, «главный „козырь“ Наполеона – армия – выпадает из его рук».

По единодушному мнению современников, именно Ней был душой этого «бунта маршалов». Да и он сам не отрицал этого. В книге «Сто дней Наполеона» английского историка Эдита Саундерса говорится: «...когда Наполеон был вынужден подписать акт об отречении, Ней хвалился перед роялистами своей ролью в наставлении его на этот путь. В результате общественное мнение сочло его человеком недостаточно благодарным и преданным правителю, который щедрой рукой отмерял ему богатства и почести». Таким образом, подозрение Наполеона в «склонности Нея к неблагодарности», оправдалось. Но стоит ли ставить это маршалу в вину? Ведь хорошо известно, что богатству и почестям он мало придавал значения. Единственно важной для него, как и для Наполеона, была любовь к Франции и желание ей добра и процветания. Но вот как достичь этого, каждый понимал по-разному...

Участие Мишеля Нея в так называемом «бунте маршалов», приведшем к отречению Наполеона от престола, большинство исследователей объясняет его простотой, политической наивностью и неосведомленностью. К примеру, английский историк и писатель Р. Ф. Делдерфилд в своей книге «Маршалы Наполеона» прямо пишет о том, что маршал «никогда ничего не смыслил в политике...». А потому заговорщикам-роялистам, стремящимся к свержению «корсиканского чудовища» и «тирана», было легко поймать его в свои сети.

Таково же и мнение другого известного историка Бориса Фролова. В его трактовке «бунт маршалов» был спровоцирован заговорщиками, которые в качестве его лидера просто использовали самого смелого, не искушенного в политике и не в меру горячего Нея. «Понимая, что дело Наполеона обречено и крушение его империи неизбежно, – пишет Фролов, – несколько маршалов, возглавлявших главные силы наполеоновской армии, среди которых был и Ней, после сдачи Парижа (31 марта 1814 года) решили потребовать от императора отречения от

престола. Под благовидным предлогом спасения Франции от ужасов вражеского нашествия заговорщики преследовали и свои корыстные интересы. Путем предательства своего повелителя они стремились сохранить положение и обеспечить свое будущее при новом режиме, который будет установлен победителями после падения Наполеона. На роль человека, способного открыто предъявить императору ультиматум с целью заставить его отречься от престола, заговорщики избрали известного своей смелостью и решительностью, но совершенно не искусенного в политике маршала Нея. Его должны были поддержать другие маршалы. Эту неблагоприятную задачу Ней выполнил. Его просто использовали как орудие для достижения своих политических целей люди, которые уже давно плели заговоры против Наполеона (Талейран, Фуше и другие)».

Да, конечно, Ней никогда не занимался политикой и действительно мало что смыслил в тех политических играх, которые велись при дворе императора. Но и представлять его таким дремучим рубакой, не разбирающимся в общественной жизни Франции, нет основания. Известный российский историк, специалист по военной истории Франции О. В. Соколов считает, что Ней еще в первые годы службы в армии проявил себя в солдатской среде «грамотным молодым человеком», нередко читал сослуживцам газеты и пересказывал их политическое содержание. И гусары, которые до этого интересовались только девицами, бутылками и саблями, охотно слушали информацию из революционной прессы в его интерпретации и с его комментариями. Так что уже с молодых лет Ней заработал у сослуживцев авторитет не только отличного кавалериста и фехтовальщика, но и неформального лидера.

Несмотря на простое происхождение, благодаря учебе в коллеже и дальнейшим усердным занятиям самообразованием, он был достаточно образованным человеком. И хотя прямого участия в политической жизни страны не принимал, имел и свои принципы, и свою гражданскую позицию. Еще со времен Испанской кампании у маршала зреет недовольство внешней политикой Наполеона. «Военного до мозга костей, Ней тяготит та роль, которую в основном принуждены играть французы в Испании, – роль карателя, приводящего к покорности испанских мужиков, сжигающего их дома, разрушающего их храмы и монастыри, расстреливающего схваченных с оружием в руках герильясов», – пишет А. Егоров. Такое же неприятие вызывает у Нея и война с Россией. Ему не по душе роль захватчика. Ибо свой воинский долг он видит, прежде всего, в защите своей Родины: «Я всегда думаю лишь о моей стране... и жертвую ради нее всем, если обстоятельства того потребуют». А вот весьма интересные строки из составленного Неем еще в 1803 году руководства по строевой подготовке для солдат: «Нашим солдатам обязаны объяснять причину каждой войны. Только в случае вражеского нападения мы вправе ожидать проявления чудес доблести. Несправедливая война в высшей степени противна французскому характеру».

Маршал хорошо понимает, что завоевательная политика императора с ее бесконечными рекрутскими наборами, массовой гибелью трудоспособного населения, непомерными расходами на нужды армии истощает Францию. И именно поэтому, а не под влиянием заговора против «корсиканского чудовища», он считает, что Наполеон должен остановиться и уйти от власти. Одним из подтверждений этой осознанной Неем необходимости отречения императора могут служить строки из «Записок» герцогини Луизы д'Абрантес, хорошо знавшей маршала. Вот что она писала о его отношении к власти: «У маршала Нея к... чувству собственного достоинства примешивалось величайшее отвращение... ко всему, что было выше его; всякая власть казалась тяжела ему, и даже власть императора начинала становиться для него беспокойной...»

Еще одно свидетельство несогласия маршала с завоевательной политикой Наполеона содержится в его рапорте, написанном уже после возвращения экс-императора с острова Эльбы. Но о нем лучше поговорить в следующем разделе.

И снова «Да здравствует Император!»

После отречения Наполеона Нея, как и все другие маршалы (за исключением Даву), присягнул на верность королю Людовику XVIII. Но, в отличие от других наполеоновских военачальников, которым пришлось приспособливаться к новым условиям и выпрашивать милости у возвратившейся на престол династии Бурбонов, он вскоре получил высокую должность командующего военным округом в Безансоне, а также был удостоен высшей государственной награды – ордена св. Людовика и звания пэра Франции. Все это еще больше повысило и без того высокий социальный статус маршала.

Некоторые исследователи считают, что причиной такого возвышения бывшего верного слуги «корсиканского бродяги» стало активное проявление им верноподданнических чувств по отношению к новому монарху и не устают упрекать его за это. К примеру, французский писатель Анри Вельшингер пишет о странном поведении маршала: «Он завоевал достаточно славы. Стал герцогом Эльхингенским, князем Московским, „храбрейшим из храбрых“; он не нуждался в том, чтобы послушно следовать за новым режимом для получения начальства над королевской легкой кавалерией и драгунами, креста ордена св. Людовика и титула пэра Франции. Нет, он не нуждался в этих почестях. Меж тем, он действовал так, как если бы в этом нуждался».

Еще больше их удивляет резко негативное отношение Нея к своему прежнему покровителю – Наполеону. Британец Р. Делдерфилд пытается объяснить его усталостью маршала от бесконечных войн. «Поведение Нея в это время крайне озадачивало друзей герцога Эльхингенского. Он был настолько резок в своих высказываниях о Наполеоне и причинах его падения, что его можно было бы принять даже за защитника дела Бурбонов, если бы он не критиковал их столь же открыто. Он никогда не понимал побуждений политиков, и его загадочное поведение было просто следствием двадцатидвухлетней войны, завершенной двумя кампаниями, после которых человек, менее крепкий физически, был бы отправлен в госпиталь с нервным истощением. Американцы времен Второй мировой войны сочли бы его жертвой „военной усталости“, а англичане времен Первой – просто жертвой контузии. Он разъезжал по окрестностям Парижа и провинциям, ворча и жалуясь, иногда сравнивая императора с его наследником, причем сравнение оказывалось не в пользу последнего».

Между тем вся эта сумятица чувств и метания прославленного маршала неувидительны. С одной стороны, за более чем двадцатилетнее служение республике он успел разочароваться в правлении Наполеона. Но и королевская власть не внушала надежды на воцарение в стране справедливости, равенства и братства. «Месяцы шли, – пишет с сожалением Делдерфилд, – а признаков умиротворения в стране, управляемой старым подагриком Людовиком, не наблюдалось. Наоборот, она поднимала голос протеста против каждого эдикта, исходящего из Тюильри. И громче всего этот голос прозвучал, когда военный министр Сульт попытался провести в жизнь декрет об изгнании из Парижа некоторых наполеоновских офицеров». Даже недавний враг Франции, английский полководец Веллингтон, немало способствовавший возвращению династии Бурбонов, с прискорбием отмечал: «Король, несмотря на свои превосходные качества, к сожалению, отверг любовь народа, окружив себя министрами, которые стремились только к тому, чтобы возродить старую ненависть и враждебность».

Эти вельможи особенно ненавидели «безродных выскочек, из сержантов превратившихся в маршалов Франции». Поэтому, как пишет С. Захаров, хотя «Нея был прекрасно принят королем, можно даже сказать, обласкан им, однако двор, роялисты, особенно ультрароялисты, душу которых жгла месть против черни, выгнавшей их с насиженных мест в изгнание, вел себя по отношению к маршалам, и в частности к Нею, совсем по-другому». При малейшей возможности придворные старались унижить или оскорбить его самого, близких ему товари-

щей по оружию и даже любимую жену Аглаю. Несмотря на то, что та происходила из буржуазной семьи и до недавнего времени была в любимицах у императрицы Жозефины, знатные дамы доводили ее до слез, с ехидством вопрошая на королевских приемах в ее присутствии: «А что, собственно, нужно при дворе племяннице мадемуазель Кампан, этой дочке пекаря?» «Когда об этом сообщили Нею, – пишет Р. Делдерфилд, – у него, считавшего, что он больше, чем кто-либо, сделал для того, чтобы убедить императора отречься, и расчистил таким образом путь Бурбонам, начался один из его знаменитых приступов ярости, и он бурей вынесен из Парижа с лицом под цвет его волос. Еще выше кровяное давление у него поднялось, когда он услышал, что австрийский император заговорил о желательности снести бронзовую колонну, отлитую из захваченных австрийских пушек⁴. „Вот как? – гремел он. – Он хочет, чтобы мы набрали у него пушек на вторую“».

Не желая больше терпеть подобные издевательства, маршал в январе 1815 года уехал в свое имение Кудро. Тогда он даже представить не мог, что будет радоваться в уютном загородном доме тишине и покою в кругу семьи в последний раз и что совсем скоро на его долю выпадут самые драматические за всю его бурную жизнь испытания. Начало им будет положено 6 марта 1815 года, когда его срочно вызовут в Париж. Прибыв туда, он узнает две новости, одна хуже другой. Первая – о высадке Наполеона на побережье Франции и движении его вместе с войсками к Парижу. Вторая – о том, что остановить «узурпатора» поручено именно ему, маршалу Нею. Во время короткой аудиенции у короля он получил от него личные указания и рекомендации, которые сводились к следующему: принять самые эффективные меры для оказания сопротивления мятежникам, а также использовать все свои способности и легендарную популярность среди солдат для предотвращения кровопролития и недопущения в стране гражданской войны. В ответ на это Ней, как пишет А. Егоров, «в припадке верноподданнических чувств, а скорее негодования по поводу очередной авантюры Бонапарта, клянется королю, что выполнит его приказ и привезет Наполеона в Париж „в железной клетке“».

Эти необдуманные слова маршала потом многие вельможи расценили как проявление его двуличия или заранее задуманного предательского плана. Так, вскоре после этой аудиенции министр Королевского двора герцог Пьер Жан Казимир де Блака доносил Талейрану следующее: «Маршал Ней, прощаясь с королем и целуя руку Его Величеству, сказал с тоном преданности и порыва, который, казалось, проистекает от солдатской прямоты, что если он поразит врага короля и Франции, то привезет его в железной клетке. События скоро показали, на какое подлое притворство вдохновлял в то время его план наиболее черного предательства».

Однако анализ документальных источников, проведенный современными историками, свидетельствует об обратном. В частности, автор книги «Трагедия полководца. Маршал Ней в 1815 году» Сергей Захаров пишет: «Был ли искренен Ней? Нет никакого сомнения. Маршал, давая обещание королю, был искренен и в то время даже не думал о какой-либо измене.

В разговоре с графом Сегюром 7 марта маршал с решимостью говорил, что собирается всеми силами противиться вторжению Наполеона; он был искренен 11 марта, когда говорил генералу Бурмону: „Если мы встретимся с ним, он будет уничтожен“, и де Бурсэ: „Необходимо застрелить Бонапарта, как хищника или бешеную собаку“; был искренен 12 марта, когда говорил маркизу де Сорану: „Войска будут сражаться. Если это будет необходимо, я первым выстрелю из ружья или карабина и проткну сомневающегося солдата своей шпагой, а эфес будет служить ему пластырем“.

К несчастью для самого Нея, боевое настроение владело им недолго».

Дело в том, что по прибытии в Безансон он не получил никакой информации о местопребывании Наполеона, направлении его дальнейшего движения и положения в армии. Об этом маршал пишет в письме младшему брату Людовика XVIII графу д'Артуа: «Мы здесь без вся-

⁴ Речь идет о знаменитой Вандомской колонне, воздвигнутой в память побед, одержанных Наполеоном в 1805 году.

ких новостей о затеях Бонапарта. Я думаю, что это – последний акт его трагической жизни. Я буду признателен, если Ваше Королевское Высочество пожелает меня просветить и, главным образом, как вы соизволите меня использовать». Однако никто его своевременно так и не проинформировал. И только узнав через несколько дней о том, что солдаты Гренобля и Лиона уже перешли на сторону «узурпатора», Нея «начал сомневаться в своих собственных солдатах». «Вместе с этими сомнениями, – пишет Р. Делдерфилд, – пришла депрессия и душевный дискомфорт, приведший к приступам иррациональной раздражительности и беспричинным вспышкам гнева, направленного то против Наполеона, то против слабости Бурбонов». Но и тогда, по утверждению С. Захарова, «Ней был полон решимости дать бой Бонапарту». Об этом он писал в одном из писем: «Я в состоянии идти на Лион, как только буду точно знать о действиях, предпринятых Бонапартом». Об этом же свидетельствует и его послание генералу Мерме, в котором он «проявлял решимость защищать дело короля, даже несмотря на то, что обстановка вокруг складывалась не лучшим образом». Оно было написано 13 марта. А уже 14 марта действия Нея изменились коренным образом. Да так, что вскоре предрекаемый им Наполеону «последний акт его трагической жизни» превратился в последний трагический акт жизни его собственной.

Как пишет Вельшингер, накануне удивительному превращению Нея из защитника короля в прежнего сподвижника Наполеона способствовали такие события: «Маршал полагался на сотрудничество Монсеньора и его войск. Он внезапно исчез. Маршал ожидал подкреплений и артиллерию. Он их не получил. Маршал надеялся получать информацию о движении Бонапарта и о решениях, принятых в Париже. Он не получал никаких сведений. То, что он узнал в последний момент, так это то, что войска, направленные сражаться с завоевателем, переходят к нему или отступают. Плохие известия следуют друг за другом».

Все решилось в ночь на 14 марта, благодаря очередному тонкому психологическому ходу бывшего императора. Вот как описывает его Сергей Захаров: «Зная импульсивный характер Нея, он надеялся повлиять на его лояльность королю и привлечь, таким образом, на противоположную сторону. Величайшим недостатком Нея была неосведомленность в вопросах мировой политики. Он был прекрасным профессиональным военным, но не являлся ни проницательным, ни даже разумным общественным деятелем. Нужно было лишь произвести соответствующий драматический эффект, чтобы он потерял голову. Вместе со своим близким помощником Бертраном Наполеон составил следующий план. Несколько фанатически настроенных старых солдат были посланы агентами в подчиненные Нею войска, чтобы агитировать их перейти на сторону императора. Вслед за этим к Нею были отправлены эмиссары, которые прибыли к маршалу в ночь на 14 марта. Это были офицеры гвардии, хорошо известные Нею. Впоследствии он великодушно отказался раскрыть их имена. Посланцы Наполеона привезли письма от генерала Бертрана, Наполеона и прокламацию, которую маршал должен был прочесть перед войсками.

В ночь с 13-го на 14 марта между часом и тремя часами ночи к Нею прибыли несколько эмиссаров Наполеона, которые доставили ему письмо Бертрана. Он предлагает маршалу присоединиться к императору, чтобы не разжигать пожар гражданской войны; информирует, что Европа лояльно отнеслась к возвращению Наполеона, что дело Бурбонов проиграно и король собирается покинуть Францию; если маршал все еще проявляет нерешительность в принятии решения, он может оказаться ответственным за напрасно пролитую кровь французов. Эмиссары, наконец, говорили Нею о том, что Наполеон согласовал свой побег с австрийским генералом Колером, с которым император виделся на Эльбе; что Мюрат выдвигается в Северную Италию, чтобы поддержать задуманное предприятие императора; что русские войска возвратились к себе домой и Пруссия, оставленная Англией, не осмелится воевать с Францией...»

А еще посланники Наполеона уверили маршала в том, что «король бежал из Парижа», так что защищать ему больше некого, а «трехцветный флаг развевается ныне над каждым городом во Франции». «Ней был в растерянности, он не знал, чему и кому верить», – пишет С. Заха-

ров. Тем не менее он не дал никакого ответа посланникам и всю ночь провел в размышлениях. Ход его мыслей, по словам Р. Делдерфилда, сводился к следующему: «Постепенно ему становилось ясно, что между Наполеоном и возможностью бескровного завоевания Франции стоит он один. Его страшила ужасная ответственность за выход из кризиса. Роялисты ожидали, что он остановит продвижение Наполеона, Бонапарт ожидал, что он очистит ему дорогу на Париж, простые люди желали, чтобы он спас Францию от гражданской войны и повторного вторжения иностранных армий. Он был один, рядом с ним не было ни одного друга, к которому он мог бы обратиться за утешением и советом, и железные нервы Нея начали сдавать. Это был гораздо более сильный вызов судьбы, чем тот, которому он так блестяще противостоял в России. Ней был человеком действия, и его мозг был негибок, как мозг ребенка».

С этой оценкой британского историка в целом можно было бы вполне согласиться. За исключением, пожалуй, последней фразы, за которой опять проглядывает его намек на то, что маршал якобы «никогда ничего не смыслил в политике». Между тем в размышлениях Нея в ночь на 14 марта не было тупой прямолинейности. «Было одно решение, – пишет С. Захаров, – однако и другие варианты выхода из создавшегося положения продолжали мучить маршала: он мог собрать войска, затем, оставаясь верным присяге королю, сложить командование над войсками и последовать за Людовиком XVIII или остаться в стороне от всех этих событий. Но Мишель Ней выбрал другой путь». И объяснил затем свое решение своим генералам вполне логично и убедительно: «Королю мы безразличны! Только император с уважением относится к солдатам Франции! Я дал Людовику шанс, и я сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы Наполеон отрекся от престола, поскольку я не хотел видеть Францию, ввергнутую в пучину гражданской войны, и я не хочу этого и теперь! Вся страна переходит на сторону императора, и бороться с ним – полное безумие!»

Вслед за этим маршал объявил, что тоже переходит на сторону Наполеона, и протянул генералам прокламацию. Это была сделанная его рукой и подписанная его именем копия с текста, составленного самим императором. Оригинал он уничтожил, таким образом опять-таки сознательно взяв ответственность за ее содержание на себя. Прочитав этот документ, генералам ничего не оставалось, как «пассивно наблюдать, как он торопится совершить самую большую ошибку в своей жизни». Да, эта ошибка маршала действительно была большой, но, к сожалению, не последней.

На утро Ней выступил перед своими полками. Вот как описал этот кульминационный момент Е. В. Тарле в своей монографии о Наполеоне: «Выйдя перед фронтом, он выхватил шпагу из ножен и прокричал громким голосом: „Солдаты! Дело Бурбонов навсегда проиграно. Законная династия, которую выбрала себе Франция, восходит на престол. Императору, нашему государю, надлежит впредь царствовать над этой прекрасной страной“. Крики „Да здравствует император! Да здравствует маршал Ней!“ заглушили его слова. Несколько роялистских офицеров сейчас же скрылись. Ней им не препятствовал. Один из них тут же сломал свою шпагу и горько упрекнул Нея. „А что же, по-вашему, было делать? Разве я могу остановить движение моря своими двумя руками?“ – ответил Ней».

Возмущенный поступком маршала Людовик XVIII назвал его презренным и лишенным чести человеком. Но и у Наполеона, которому он снова поверил и протянул руку помощи, Ней не обрел доверия. Причиной тому, по мнению А. Егорова, послужили два обстоятельства: «Слишком свежи были у императора воспоминания о том апрельском дне 1814 г., когда Ней почти открыто потребовал у него отречения от престола. К тому же разве можно верить человеку, способному нарушить присягу, даже если это присяга Людовику XVIII?..» Кроме того, Наполеону было известно о возмутительном обещании маршала – привезти его королю в «железную клетку». Позже Ней, по словам Вельшингера, в разговоре с императором «не отрицал этого и объяснил свой поступок тем, что был сильно разгневан на бегство Наполеона с Эльбы, а потому заслужил, чтобы быть привезенным в Париж в железной клетке. „Я сказал ему

обо всем этом, – говорил маршал после своего ареста префекту полиции, – и он (Наполеон) смеялся над этим“». В действительности смех этот был наигранным, ибо Бонапарт прекрасно понимал, что обещание Нея было искренним и в тот момент, когда оно давалось, он честно был намерен его исполнить. И, как и следовало ожидать, вскоре это обстоятельство не сошло маршалу с рук. Вот что пишет в связи с этим историк А. Гриднев: «Эти необдуманные слова явились причиной ссоры императора и маршала. И эта ссора имела фатальные следствия в битве под Ватерлоо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.